

DOI10.25991/VRHGA.2019.20.3.015

УДК 37.013.83

*С. М. Марчукова**

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ:
ОБРАЗ СМЕРТИ В ДРАМЕ Я. А. КОМЕНСКОГО
«ЛАБИРИНТ СВЕТА И РАЙ СЕРДЦА»****

Статья посвящена значению образа смерти в драме Я. А. Коменского «Лабиринт света и рай сердца» для современной педагогической эсхатологии. Рассмотрены причины эсхатологических настроений в XVII в. и в наше время. Поставлены вопросы о возможном поиске пути в «рай сердца» для современного человека, о значении идей Коменского для современной педагогической эсхатологии.

Ключевые слова: Я. А. Коменский, педагогика, эсхатология, драма «Лабиринт света и рай сердца», образ смерти.

S. M. Marchukova

*PEDAGOGICAL ESCHATOLOGY: THE IMAGE OF DEATH IN THE DRAMA
BY Y. A. KOMENSKY "LABYRINTH OF WORLD AND PARADISE OF THE HEART"*

The article is devoted to the meaning of the image of death in the drama Y. A. Komensky "Labyrinth of World and Paradise of the Heart" for modern pedagogical eschatology. The causes of eschatological sentiments in the XVIIth century and in our time are considered. The questions were raised about the possible search for a path to the "paradise of the heart" for a modern person, about the significance of Komensky's ideas for modern pedagogical eschatology.

Keywords: Y. A. Komensky, pedagogy, eschatology, drama "The Labyrinth of World and Paradise of the Heart", the image of death.

Ожидания конца света возникали в мировой и европейской культуре в разные времена и были связаны, главным образом, с предсказаниями священных

* Марчукова Светлана Марковна, доктор педагогических наук, заместитель директора по научно-методической работе, Исследовательский педагогический центр им. Я. А. Коменского немецкой гимназии «Петершуле»; marchukova@bk.ru

** Работа над статьей поддержана грантами Отделения социальных и гуманитарных наук РФФИ 17-06-00075 и 19-013-00940.

текстов, социально-экономическими потрясениями, войнами и эпидемиями. Эсхатологические настроения отражены и в обширном историко-педагогическом наследии эпохи античности, средневековья, Возрождения и Нового времени. В связи с актуальностью возвращения российской педагогики в лоно европейской традиции особенный интерес вызывает наследие Я. А. Коменского (1592–1670) — одного из тех мыслителей, чьи идеи, подобно идеям античных философов или средневековых ученых, не устаревают веками [7, с. 9].

Коменский жил 400 лет назад.

«Казалось бы, — рассуждает современный исследователь его творчества, — в те времена мир был устроен гораздо проще, чем сейчас. Не существовало ни современных технологий, ни интернета, ни ядерного оружия. Но думать так было бы ошибкой. В ту эпоху полностью менялось представление о мире, его устройстве <...> Менялись установки общества, разрушались государства, происходило открытие новых заморских цивилизаций. Эти сложнейшие перемены оказывали колоссальное влияние как на жизни отдельных людей, так и на человечество в целом» [7, с. 10].

Многое связывает эту эпоху с нашим временем. Именно тогда началось формирование глобального мира.

Драма Коменского «Лабиринт света и рай сердца» была написана в 1623 г. и издана в 1631 г. Ее главный герой — Странник, от имени которого ведется повествование, путешествует по многочисленным площадям и улицам Города («лабиринта света») — земного мира. Его сопровождают два спутника, две аллегорические фигуры — Всевед и Обман. Они надевают ему на нос очки «из стекла догадки» и показывают жизнь многочисленных обитателей лабиринта света — философов и ремесленников, правителей и воинов, купцов и алхимиков, священников и мудрецов.

Для эпохи Коменского, раннего Нового времени, характерно восприятие земного мира как лабиринта, рынка, на котором всё, в т. ч. человеческие качества, имеет цену [1, с. 39].

«Весь свет есть рынок, — с горечью замечает Коменский, — наполненный разными товарами и людьми, которые эти товары продают, покупают и рассматривают <...> И над чем следует более всего даваться диву и скорбеть, так это над тем, что обычно предлагают, расхваливают, продают и покупают не необходимое, а излишнее, не полезное, а вредное, не доброе, а негодное» [2, с. 214].

В эпоху Коменского общее эсхатологическое мироощущение вступало в трагическое противоречие с социокультурной ситуацией в Европе XVII в., способствующей переосмыслению отношения человека к смерти, все более означающей не переход в иной мир, а абсолютный конец, пустоту, небытие. Такая ситуация способствовала формированию представления о традиционных идеалах и ценностях как устаревших, лживых и ханжеских, которым человек противопоставляет в одиночку на свой страх и риск [1, с. 23]. Как правило, эта тенденция возникает в кризисные, переходные исторические периоды, когда рушился один уклад человеческой жизни, а другой еще не успевал себя утвердить [1, с. 27]. В педагогике Коменского читателю предлагается целостная

система непрерывного образования, в которой существенное место занимают «школа старости» и «школа смерти» [8].

«Смерть человека, — пишет Коменский в «Пампедии», — поскольку не влечет за собой конца человека, а только как бы передает человека в другое место, не влечет за собой остановку ума, стремлений и намерений, а только их устремление “за предел”. Куда же? В саму вечность, которая подводит последнюю черту подо всем. *А смерть — лишь одна точка, или ось, на которой вращается вечность*» [4, с. 204].

По точному замечанию Ю. Давыдова, именно в это время «европейское сознание претерпевает трагедию смыслоутраты перед лицом смерти» [1, с. 48].

Богооставленность, безбожие «лабиринта света» определяет собой контекст основной линии сопоставления (и противопоставления) «лабиринта света» и «рая сердца» в драме Коменского, выявляет место и роль одного из ее центральных образов — образа смерти, с которой Странник встречается уже в первых главах:

...я увидел, что всюду между ними ходит смерть, вооруженная острой косою; она громким голосом напоминала всем, ... что они смертны. Но никто не слышал ее призыва: каждый глядел в это время на свое безумство и беспорядок. Тогда она, достав свои стрелы, начинала бросать их во все стороны и ранила всех, кого пришлось в толпе без разбора... Кто был ранен, тот кричал, стонал. Иные, ходившие возле, лишь только замечали рану, моментально убежали прочь, но скоро снова возвращались и не обращали уже ни на что внимания <...> Вернувшись оттуда, снова жили беззаботно <...> ... хотел я возвысить голос, напомнить и просить, чтобы они открыли глаза <...> но понял я, что если сама смерть своим неутомимым призывом и своим постоянным явлением на глаза в довольно страшном виде не может ничего исправить, — все мои усилия будут бесполезными словами... [3, т. 1, с. 86, 87].

В то время, как я с таким вниманием смотрел на эту смерть и на ее погоню за людьми, дотронулся до меня Обман и сказал: «Дурак, что смотришь на мертвых с большим удовольствием, чем на живых? Кто умер, с тем и покончено, ты же приготовься к жизни» [3, т. 1, с. 88].

Остановимся на этой фразе. Коменский здесь обращает внимание читателя на поговорку: «Перед лицом смерти обман заканчивается». Писатель, поэт, переводчик, он часто обращается в своих трудах к пословицам и поговоркам. В этом отношении «Лабиринт света» близок творчеству И. Босха (ок. 1460–1516), картины которого содержат множество образов и ситуаций, напоминающих сюжет «Лабиринта света» и иллюстрирующих пословицы и поговорки [9, с. 151–158]. К нашей теме непосредственное отношение имеет еще одна поговорка из «Лабиринта света»: «*Каждый — кузнец собственной смерти*»:

Но не утаю того, что когда я увидел столь бесчисленное множество летающих стрел, мне пришло на мысль: «Где же это смерть берет так много стрел, что не перестреляла их еще?». Поглядел и ясно убедился в том, что собственных стрел она не имела ни одной, а только имела один лук, стрелы же брала от людей, каждую от того, кого намерена была убить ими. Я заметил, что люди сами делали

и готовили такие стрелы, а некоторые безрассудно и дерзко носили их навстречу ей... Тогда я вскричал: «Теперь вижу, что правда *Et mortis faber est quilibet ipse suae*» (Каждый — кузнец собственной смерти (*лат.*) — С. М.) [3, т. 1, с. 87].

Продолжая традиции христианской педагогики, Коменский постоянно уделял особое внимание вопросам смерти и воскресения, неоднократно подчеркивал в своих сочинениях, что цель педагогики — подготовка к вечной жизни, воспитание умения жить «как бы на пороге смерти». Воспитание, по его мнению, должно быть таким, чтобы дети были способны «так любить земную жизнь, чтобы они захотели жить вечно <...> Иначе, если на смену жизни приходит смерть, лучше было бы не родиться» [3, т. 2, с. 111–112].

Эта тема находит отклик и развитие в зарубежной российской педагогике XX в. [6] Проблема соотношения смерти и бессмертия связывается с проблемой воспитания индивидуальности — одной из центральных проблем педагогики:

Известно, что незаконченность духовного развития является одним из главных мотивов искать и жаждать бессмертия. Оставляя в стороне религиозную сторону этого вопроса, с психологической точки зрения нельзя не признать, что полное и гармоническое раскрытие заложенных в индивидуальности сил возможно лишь в перспективах бессмертия (цит. по: [9, с. 260]).

В наше время, как известно, тема воспитания индивидуальности и тема бессмертия как в психолого-педагогических, так и в философских трудах, часто бывают разорваны, не имеют связей друг с другом.

«Этот разрыв двух тем, — продолжает В. В. Зеньковский, — по существу глубоко связанных одна с другой, имел самое роковое влияние на развитие педагогики <...> Лишь в наше время, когда учение о человеке медленно возвращается к тем идеям, которые лежат в основе христианской антропологии, становится все более ясным христианское ядро, христианский смысл основных педагогических интуиций <...> Воспитание направлено на конкретную личность, судьба которой уходит в эсхатологическую перспективу, к которой мы все приобщаемся через смерть. Нельзя жить так, как если бы не было смерти, но нельзя так и воспитывать, как если бы не было смерти» [9, с. 260].

«Эсхатологическая перспектива» здесь может быть уподоблена Ветхозаветной лестнице Иакова, верх которой касается неба (Быт. 10: 19). Коменский пишет во второй части «Лабиринта света и рая сердца» о том, что когда Странник достиг «рая сердца», «лестницы, разбросанные во тьме и беспорядке сердца Странника <...> поставились кверху, к тому окну, которое пропускало небесный свет» [3, т. 1, с. 171]. Позже, в «Предвестнике пансофической мудрости», он напишет: «...христианскую эту пансофию надо так составить», чтобы она была «как бы священной лестницей к восхождению через все видимые вещи к невидимой вершине всего» [3, т. 1, с. 494]. Лестница — выразительный символ многомерности, определяющей структуру педагогического процесса. «Лестница, — утверждает У. Эко, — стимулирует подъем даже в том случае, когда не видя в темноте первой ступеньки, я спотыкаюсь об нее» [11, с. 161–162]. (Заметим попутно, что У. Эко сопоставляет здесь два «архитектурных кода» — лестницу и лифт, «функциональные характеристики» которого «не

предполагают стимуляции моторных актов» [11, с. 271].) Подобные лестницы — основа внутреннего домостроительства, о котором пишет Г. Лонгфелло (1807–1882) в стихотворении «Строители», посвященном юношеству, как и «Лабиринт света» Коменского. Лестницы, по которым идет человек, должны вести к небу:

А иначе наши дни —
Словно здания без крыши;
Вместо лестниц — западни.
Как по ним подняться выше?
(пер. Р. Дубровкина).

По таким «лестницам — западням» Обман в поисках бессмертия ведет Странника в «Лабиринте света»:

... мы пришли к лестнице, по которой ходили куда-то наверх; боясь, что лестница рухнет, я не хотел идти... Толмач сказал: «К чему, мой милый, эта фантазия? Бойся, чтобы небо не рухнуло. Разве не видишь, как много других идут вверх и вниз?» Таким образом, по примеру других, пошел и я по высокой винтообразной лестнице; идя по ней, можно было получить головокружение [3, т. 1, с. 87].

Поднимаясь по этой лестнице, обитатели Города надеются достичь бессмертия, которое в их глазах связано с известностью, успехом, желанием прославиться, уничтожить, унижить, высмеять конкурентов, самоутвердиться любой ценой. Вот как пишет Странник о многотрудном пути человека к достижению бессмертия, которое дарит человеку госпожа *Фортуна*:

Оглянувшись, я увидел сидящих живописцев; всматриваясь в некоторых присутствующих здесь, они рисовали их <...> я увидел, что каждого из тех, с кого писали портреты, выбрасывали в пропасть одного за другим <...> «Ах, какое же это бессмертие?! — воскликнул я — какое мне дело до того, что кто-нибудь намажет меня на бумаге, а со мной в это время неизвестно что будет?» <...> Услышав это, Обман назвал меня сумасшедшим и спросил, на что я годен в свете с такими противоположными всем другим взглядам [3, т. 1, с. 84–85].

Обман убеждает Странника в том, что в свете царят мудрость, порядок, науки, искусство, философия. Между тем, Странник видит, что царит смерть. Именно поэтому обитатели Города так одержимы идеей достижения бессмертия. Для этого самые известные из них, отталкивая друг друга, стремятся попасть на открытую площадку недалеко от неба:

... туда вела лестница, внизу которой была дверь, а у этой двери сидело что-то, имеющее со всех сторон множество глаз и ушей, так, что становилось противно (его называли *Sensor vulgi* — Всесудом). Каждый, кто хотел попасть на это место, должен был не только назвать себя, но рассказать про все дела, за которые он считал себя заслуживающим бессмертия, и передать их на обсуждение <...> и понял я, что <...> это драгоценное бессмертие само по себе ничто... Смерть, которую я видел расхаживающею здесь по замку и убивающего одного за другим, наводила ужас на меня... [3, т. 1, с. 83–85]

Вновь и вновь Коменский напоминает читателю о поговорке: «Перед лицом смерти обман заканчивается»: Насмотревшись на несправедливость, фальшь, соблазны и жестокости света, Странник идет посмотреть, «каков жребий мертвых»:

Обман не советовал, напротив — сильно воспротивился. Не обращая на него внимания, я <...> всё-таки пошел, а он, остановившись, отстал от меня <...> Озираясь кругом, я поглядел на умирающих, которых везде кругом было много, и увидел жалкую картину: каждый без исключения испускает дух с ужасом, жалобами, страхом и трепетом, не ведая, что с ним будет, и где он очутится вне света <...> Ах, лучше, лучше бы мне никогда не родиться, лучше бы я не проходил врата жизни, если после всей этой суеты в свете удел мой не что другое, как темнота и ужас. Ах, Боже, Боже, Боже! Если ты существуешь, то смилуйся надо мной несчастным! [3, т. 1, с. 100–101]

Так заканчивается первая часть драмы — «Лабиринт света». Коменский неоднократно возвращается к мысли о том, что в мире, лишенном Божественного присутствия, смерть — истинная хозяйка вершительница судьбы. Здесь человек — сам себе кумир, жизнь его исчерпывается границами земного существования. Со страхом и недоумением смотрит Странник на обитателей Города, постоянно меняющих маски, утративших не только веру в Бога, но и веру в какие бы то ни было идеалы и ценности. Для них есть только одна высшая власть и абсолютная истина: смерть.

Между тем, каждая из великих культур, основу которых определяла религия, справлялась с фактом человеческой «конечности»:

«На костлявой ноге смерти, — утверждает Ю. Давыдов, — всегда угадывалась невидимая, но прочная цепь, которую держал некто, неизмеримо более могущественный и властный, чем она <... > как раз это ощущение «подконтрольности» смерти, сознание того, что действует она отнюдь не на свой страх и риск, а покорствуя высшей воле, сообщало ее облику некоторый оттенок приниженности и даже комизма — этой эстетической формы примирения с нею. Вполне понятно, что такой персонаж не мог глубоко и надолго завладеть человеческим интеллектом: напряженно ищущая мысль быстро «проскакивала» через него, обнаруживая за его спиной гораздо более мощные силы, от которых зависела сама «конечность» и «смертность» человека и которые, следовательно, обуславливали и саму смерть. Обнаружив за исполнительной инстанцией законодательную, мысль теряла интерес к первой и тем с большей настойчивостью взывала ко второй» [1, с. 19].

Две части сочинения Коменского — «Лабиринт света» и «Рай сердца» — потому и воспринимаются современным читателем как два разных произведения, что ему трудно принять одну из основ религиозного опыта: мистический элемент в религии — это чувство присутствия высшей реальности, а не просто вера в нее. Это «чувство присутствия», явно выраженное в «Рае сердца» Коменского, сегодня, с одной стороны, во многом непонятно и утрачено. С другой стороны, в наше время «восстановления форм» (У. Эко) на этом месте ощущается пустота, «зияние», «отсутствующая структура» (У. Эко подчеркивает, что такая «отсутствующая структура» не схватывается простым эмпирическим

наблюдением» и в качестве «Последней Структуры» «несказуема, потому что нет такого метаязыка, который мог бы ее схватить» [11, с. 457]).

«Но если высший удел, — утверждает У. Эко, — состоит в том, чтобы смириться с отверстой раной, с которой нам выпало маяться от рождения до самой смерти, то отворачиваться от нее — значит только беречь ее. И если он состоит в том, чтобы принять игру, то отворачивайся не отворачивайся от зияния — все едино, разве, что прежде чем исполниться, удел этот родит на свет поэтику игры, и мне придется расставлять ловушки, запускать бумажных змеев, устраивать фейерверки, изобретать по ходу игры разного рода утешительные безделушки вроде Науки, Метода, Культуры» [11, с. 459].

Основы какой культуры призвано сформировать «современное образование — бесконечный путь в будущее, начинающийся с возврата к корням» [7, с. 22]? «Можно ли вообще искать в нынешнее время “рай сердца”?» «В каком “лабиринте света” живем мы сегодня?» [7, с. 9]. Культура способна привести человека в «рай сердца», но способна и увести от него, возводя множество «культурных панцирей, которые похищают у нас небо» (А. Кураев) (А. Кураев в статье «Закон Божий» и «Хроники Нарнии», посвященной творчеству К. С. Льюиса, приводит такую метафору: «...помимо “естественного” нашего окостенения есть еще и культурные панцири, которые похищают у нас небо» [5]).

В секуляризованном сознании современного человека эсхатологические ожидания могут быть связаны с экономическим кризисом, деструктивным воздействием нарастающего информационного потока, деидеологизацией общества как его дезориентацией, разочарованием в светских концепциях общественного прогресса (И. Яковенко рассматривает отечественные эсхатологические настроения в связи с категориями должного и сущего, их соотношения и координации в секуляризованном сознании современного человека [12, с. 87–95]). К нерелигиозным составляющим современной эсхатологии можно отнести и настроения «метафизического ужаса» (Ю. Давыдов), которые массовая культура наводит на просвещенную публику. («Писатели, философы, ученые, кинематографисты говорят, — пишет Давыдов, — посмотрите на улицу, что там происходит: убийства, бандитизм, вандализм, угроза атомного самоубийства человечества <...> Стоит ли удивляться тому, что в этой апокалиптической атмосфере вполне нормальные и уравновешенные люди начинают вести себя как сумасшедшие, обнаруживая в смятенной душе своей самые невероятные фобии!» [1, с. 11]. Эсхатологические ожидания, идеи конца света могут связываться с внутренне переживаемой констатацией духовно-политического, социально-экономического и социально-культурного тупика [10, с. 112].)

В науках и искусствах традиционно ищет российская школа ценности и смыслы духовно-нравственного воспитания. Педагогическая эсхатология обращается сегодня к проблемам формирования картины мира, системы ценностей, вопросам воспитания нравственных качеств, патриотизма, милосердия, бескорыстной любви к человеку. При этом вопросы нравственного свойства часто предлагается решать внерелигиозно, исходя из положений светской мо-

рали. Так, например, столкновение со смертью в педагогической психологии рассматривается как одна из значимых возможностей для личностного роста.

Драма Коменского «Лабиринт света и рай сердца» написана 400 лет назад. Классическое педагогическое наследие не знает другого сочинения, в котором вопросы педагогической эсхатологии были бы поставлены перед читателем так отчетливо и уже имели бы в себе корни и основания современных проблем, сомнений и надежд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии. — М.: Молодая гвардия, 1982. — 287 с.

2. Коменский Я. А. Единственно необходимое // Коменский Я. А. Лабиринт света и рай сердца. — М., 2000. — С. 213–304.

3. Коменский Я. А. Избр. педагогич. соч.: в 2 т. / под ред. А. И. Пискунова [и др.]. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — 656 с.; Т. 2. — 576 с.

4. Коменский Я. А. Панпедия (Искусство обучения мудрости) / пер. с лат.; Отв. ред. Э. Д. Днепров, Г. Б. Корнетов. — М.: Изд-во УРАО, 2003. — 320 с.

5. Кураев А. «Закон Божий» и «Хроники Нарнии» // Льюис К. С. Собр. соч.: в 8 т. — М.; СПб., 1999. — Т. 6. — С. 414.

6. Марчукова С. М. О некоторых аспектах педагогики Русского зарубежья в Чехословакии 20-х гг. XX в. // Российская эмиграция в славянских странах: материалы XXXIX Международной филологической конференции, 19 марта 2010 г., Санкт-Петербург. — СПбГУ. — СПб.: Петрополис, 2010. — С. 32–36.

7. Мюллер Я. «Лабиринт света» и трансформация образования в Европе // Непрерывное образование как компас в поисках своего пути в «лабиринте мира»: Материалы междунар. научно-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 марта 2013 г. / ред. С. М. Марчукова. — СПб: Петершуде, 2013. — С. 9–23.

8. Марчукова С. «Школа старости» в наследии Я. А. Коменского // *Conversatoria Litteraria: Międzynarodowy Rocznik Naukowy*. — Т. 11: *Młodość i starość w języku, literaturze, kulturze i sztuce* / red. tomu Danuta Szymonik i Walentyna Krupowies. — Siedlce: Bańska Bystrzyca 2017. — S. 397–409.

9. Марчукова С. М. Ян Амос Коменский: человек в «лабиринте света». — СПб.: Изд-во христиан. библиот. братства св. ап. Павла, 2006. — 285 с.

10. Фаншев Н. И. Эсхатологическая составляющая современной российской ментальности // Актуальные проблемы современной науки. Материалы междунар. научно-практ. конф. научной сессии «XII Невские чтения» (21–23 апреля 2010 г.) / под общ. ред. Н. И. Озеровой. — СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2010. — 380 с.

11. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. — СПб.: Symposium, 2004. — 544 с.

12. Яковенко Е. Г. Эсхатологические компоненты российской ментальности // *Общественные науки и современность*. — 2000. — № 3. — С. 87–95.